

DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-13-34

С.Д. Бодрунов

Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте (Санкт-Петербург, РФ)

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО. Часть 3^{1, 2}

Аннотация: теория ноономики, опираясь на исследование современных трендов технологического и социально-экономического развития, позволяет выделить причины тех противоречий, с которыми сталкивается современная цивилизация – противоречий экономических, социальных, экологических, нравственных. Однако ноономика не только вскрывает подоплеку этих противоречий, но и показывает зреющие объективные возможности выхода из этих противоречий, преодоления цивилизационных тупиков, выбора пути на цивилизационных развилках. Возможности, создаваемые современной технологией, создают перспективу смены парадигмы собственности и перехода от экономики к ноономике, что означает отказ от экономической рациональности, ведущей к безудержной погоне за наращиванием производства и потребления. Место экономической рациональности занимает рациональность, основанная на критериях знания и культуры. Однако такой переход от экономики к ноономике должен опираться на изменение всей совокупности общественных отношений, и ноономика может укрепиться только в рамках целостной системы ноообщества. Сам характер общественных отношений и общественных связей людей, характер социализации человека и социализации общества будет ориентировать общественное развитие на эти новые критерии. Идеальным ориентиром такого переформатирования общества может выступать идеология солидаризма, вырастающая из формирующихся возможностей преодолеть рознь социально-экономических интересов людей, основанную на борьбе за материальные ресурсы.

Ключевые слова: ноономика, ноообщество, цивилизация, потребности, знания, планирование, культура, социализация, солидаризм.

Для цитирования: Бодрунов С. Д. (2022). Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 3 // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 3, С. 13–34. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-13-34.

¹ Статья основана на предыдущих публикациях автора, прежде всего (Бодрунов, 2021).

² Продолжение. Первую часть статьи см.: Бодрунов С. Д. (2022). Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 1 // Ноономика и ноообщество: Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 1, № 1. С. 24–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42; вторую часть статьи см.: Бодрунов С. Д. (2022). Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 2 // Ноономика и ноообщество: Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 1, № 2. С. 13–35. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-2-13-35.

Sergey D. Bodrunov

S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (Saint Petersburg, Russia)

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS AND TRANSFORMATION OF SOCIETY: NOONOMY AND NOOSOCIETY. PART 3

Abstract: the theory of Noonomy, based on the study of modern trends in technological and socio-economic development, allows us to identify the causes of the contradictions that modern civilization faces – economic, social, environmental, moral contradictions. However, noonomy not only reveals the background of these contradictions, but also shows the maturing objective possibilities of getting out of these contradictions, overcoming civilizational dead ends, choosing a path at civilizational forks. The opportunities created by modern technology create the prospect of a transition from economics to noonomy, which means abandoning economic rationality, leading to an unrestrained pursuit of increasing production and consumption. The place of economic rationality is occupied by rationality based on the criteria of knowledge and culture. However, such a transition from economics to noonomy should be based on a change in the totality of social relations, and noonomy can be strengthened only within the framework of an integral system of the noosociety. The very nature of public relations and public relations of people, the nature of human socialization and socialization of society will orient social development to these new criteria. The ideological orientation of such a reformatting of society can be the ideology of solidarity, which grows out of the emerging opportunities to overcome the discord of socioeconomic interests of people based on the struggle for material resources.

Keywords: noonomy, noosociety, civilization, needs, knowledge, planning, culture, socialization, solidarity.

For citation: Bodrunov S. D. (2022). Scientific and Technological Progress and Transformation of Society: Noonomy and Noosociety. Part 3. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 1, no. 3, pp. 13–34. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-13-34.

博德鲁诺夫 S. D.

新兴工业发展研究所, 俄罗斯圣彼得堡

科学技术进步和社会转型:智力经济和智力社会(第一部分)

摘要:基于对当前技术和社会经济发展趋势的研究,运用智力经济学理论我们能够确定产生现代文明所面临的矛盾的原因,包括经济、社会、环境和道德方面的矛盾。智力经济学不仅揭示了这些矛盾的背景,而且还显示出克服这些矛盾、走出文明死胡同、在文明发展的十字路口选择正确道路的客观可能性,这种可能性正走向成熟。现代技术为所有权范式变化以及从传统经济到智力经济的过渡带来了机会和前景,这意味着摆脱对经济合理性的追求——这种追求导致无限制地增加生产和消费,经济合理性被基于知识和文化标准的合理性所取代。但

Эта переход от традиционной экономики к интеллектуальной экономике зависит от изменений во всем социальном отношении, а интеллектуальная экономика может быть достигнута только в интеллектуальном социальном отношении. Только в целостной системе может быть достигнута. Социальное отношение и социальное взаимодействие, социализация и социализация общества определяют развитие общества. Эти новые знания и культурные стандарты. По мере того как люди преодолевают конфликт интересов между материальными ресурсами и социальными отношениями, идеология солидарности станет идеологией социального преобразования.

Ключевые слова: интеллектуальная экономика, интеллектуальное общество, цивилизация, потребности, знания, планирование, культура, социализация, солидарность.

Ссылка на цитату: Бодрунов С.Д. (2022). Научно-технический прогресс и социальный переход: интеллектуальная экономика и интеллектуальное общество. Часть I // Интеллектуальная экономика и интеллектуальное общество. Исследования в развитии новой промышленности, т. 1, № 3, с. 13–34. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-13-34.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Экономические функции государства

Либеральная экономическая концепция стремится минимизировать экономические функции государства и оставить его в роли «ночного сторожа». «Основная идея классического либерализма, – пишет Н. Хомский, – заключается в оппозиции ко всем формам государственного вмешательства в личную и социальную жизнь, кроме предельно ограниченных и минимальных» [Хомский, 2012, с. 11]. Однако новые подходы в экономической теории развивают идею о том, что государство является важным механизмом получения не только экономической, но и общественной эффективности. Таким образом, государство превращается в экономическую категорию, что позволяет изучать его в том числе методами классической политической экономии.

Когда-то государство как особая форма самоорганизации общества почти не вторгалось в экономический процесс, и либералы стремятся «законсервировать» нравы и механизмы этого далекого периода. Действительно, во времена Адама Смита государство было небольшим, а его экономические функции весьма ограниченными. Да и экономика тогда была меньше и структурно значительно более простой. Рост государства за XX век – это спонтанный, стихийный процесс, что так любят и за что «бьются» апологеты либеральной экономической науки, характеризующейся явной внутренней противоречивостью. Им импонирует стихийность в экономике, а вот абсолютно конкретный продукт этой стихийности – значительная роль государства в экономике – представителям либеральной экономической науки не нравится.

На «ветхость» либеральной концепции еще в конце XIX в. указывал Г. В. Плеханов, отмечая, что «для экономистов отсталой школы талисманом служит прелестный девиз: «невмешательство государства» [Плеханов, 1956, с. 301]. Зачастую и сегодня в наших университетах идеи «отсталых экономистов» выдают за современную экономическую мысль, без устали повторяя: «... государство должно ... обеспечить неприкосновенность частной собственности, произвести разделение собственности и власти и перестать быть доминирующим собственником, субъектом экономических отношений в стране» [Гайдар, 1995, с. 189].

Но вот на что указывал крупнейший западный философ К. Поппер в середине 1940-х гг.: «Принцип государственного невмешательства в экономику – принцип, на котором основывается неограниченно законодательно экономическая система капитализма, должен

быть отброшен. Если мы хотим защитить свободу, то должны потребовать, чтобы политика неограниченной экономической свободы была заменена плановым вмешательством государства в экономику» [Поппер, 1992, с. 146].

Несостоятельность либеральной концепции невмешательства государства в экономику проявляется в том, что современное государство перестает (а фактически – уже перестало) быть просто политической формой чего-либо, на нынешнем этапе развития экономического общества государство (его деятельность) становится почти основным экономическим игроком. С каждым годом возрастает его регулирующая роль (идет «огосударствление» экономики), государство все теснее сплетается с экономикой.

П. Самуэльсон и В. Нордхаус указывают: «...государство решает три основные экономические задачи: способствует повышению эффективности, обеспечению справедливости и макроэкономической стабильности и осуществлению экономического роста» [Самуэльсон, Нордхаус, 2005, с. 54]. Вывод очевиден: рынок сам по себе не может создать экономический рост, макроэкономическую стабильность, повысить эффективность производства. Более того, пандемия коронавируса убедительно показала, что спонтанное рыночное развитие без государственного вмешательства губительно для человека. Много меняется как в обществе, так и в экономике: появляются новые проблемы и задачи, которые призвана решать экономическая теория.

Рост влияния государства на экономическое развитие является ныне почти общепризнанным фактом. С этим вынуждены соглашаться даже американские либерал-консерваторы, очень опасющиеся новых, современных мнений. Так, американский экономист-либерал Р. Хиггс пишет: «Конец XIX и весь XX век были периодом беспрецедентного роста полномочий государства, находящихся в его распоряжении ресурсов и масштабов его вмешательства в экономическую и частную жизнь граждан» [Хиггс, 2016, с. 9]. И дальше: «Даже простое перечисление многочисленных полномочий государства займет несколько томов, потому что его влияние затрагивает все: фермы, заводы и магазины; жилища, школы и больницы; науку и технологии; и даже отдых и развлечения» [Там же, с. 24]. А вот наблюдение другого американского экономиста, Ч. Уилэн: «Министерство сельского хозяйства США в настоящее время требует, чтобы каждая замороженная мясная пицца содержала по меньшей мере 10 % мяса» [Уилэн, 2005, с. 309]. Предельно ясно об этом пишет и Дж. Стиглиц: «...то, что мы едим и пьем, регулируется государством; где нам жить и в каком типе домов мы можем жить, регулируется различными государственными службами» [Стиглиц, 1997, с. 11].

В нашей истории, в Советском Союзе, примерно так все и было. Правда, в СССР государство руководило всем прямо и откровенно, и мало кто говорил о рыночной экономике, в то время как в США на словах процветала либеральная рыночная экономика, а на деле – полное господство государственного регулирования, в том числе и планирования. Как писал Дж. К. Гэлбрейт: «Наша экономическая система, под какой бы формальной идеологической вывеской она ни скрывалась, в существенной своей части представляет собой плановую экономику» [Гэлбрейт, 1969, с. 41].

Напомним, что в советской экономической литературе вопрос об экономической роли государства ставился неоднократно. Достаточно упомянуть школу Н. А. Цаголова в МГУ им. М. В. Ломоносова, где прямо говорилось, что государство есть элемент экономического базиса [Цаголов, 1973]. Современные представители этой школы продолжают развивать аналогичные идеи [Бузгалин, 2019; Колганов, 2019]. Сегодня это направление получает все

более широкое распространение; отметим, что оно комплементарно идеям теории ноономики.

Итак, масштабы экономического регулирования со стороны государства на современном этапе растут. Главной причиной, на наш взгляд, является переход производства на новый технологический уклад, существенное усложнение техносферы, рост ее влияния и развития НТП на общественные институты, что находит отражение в изменении экономической организации общества.

Для современного производства характерна не концентрация технологий/компетенций/переделов у «индивида-производителя» в качестве базовой парадигмы, а сложная кооперация разных производителей и их объединений. (Заметим, что в советское время (как ни парадоксально для плановой экономики) весьма популярна была «старорежимная» модель «натурального хозяйства», имевшая цель снизить зависимость от «внешних сил», и своими «достижениями» директора предприятий очень гордились! – «Да, я все делаю сам – от заготовки до станка!»). Современная технологическая и производственная парадигма положила конец экономическому индивидуализму и либеральному капитализму. Как говорит наш Президент: «...модель современного капитализма себя исчерпала». Своеобразное «обобществление» производства становится очевидным фактом. Более того, информационные технологии, приобретая все более важное значение, делают государство основным экономическим актором: информация сама по себе не является товаром – только государственно-правовое регулирование способно придать ей экономический вес.

Таким образом, государство все больше начинает выполнять разнообразные общественные и, главное, экономические функции, становится экономическим институтом современного общества. Изменяется понимание и самой экономики, которая переходит в новое качество. Нечто подобное можно обнаружить в концепции «государства всеобщего благосостояния» (welfare state), где государство в лице правительства проводит политику, ориентированную на бесплатное или весьма доступное образование, здравоохранение, жилищное строительство, социальное обеспечение пожилых, инвалидов, материальную помощь больным, безработным. Государство в данном случае может рассматриваться как противовес рынку, как механизм, ограничивающий и корректирующий рыночное самодействие. «Правительства, – пишет известный американский экономист Л. Туроу, – всегда активно использовались для изменения результатов рыночного хозяйства с целью более равномерного распределения доходов по сравнению с тем, какое рынок произвел бы сам по себе» [Туроу, 1999, с. 288].

Известно, что сегодня почти у всех экономически развитых стран доля государства в распределении валового национального продукта достаточно велика. В Швеции, Норвегии, Нидерландах и некоторых других странах уровень государственных расходов составляет более 50 % ВВП при среднеевропейском уровне 40...45 %. В России этот показатель с 1992 г. составляет примерно 30 %. При таком положении трудно обеспечить государственную политику, нацеленную на обеспечение успешной модернизации. Сильное и дееспособное государство на данном этапе необходимо для обеспечения целесообразного, разумного, сбалансированного развития общества. Целенаправленная, целесообразная и «целеосознанная» деятельность государства может выражаться только в различных формах народнохозяйственного и социального планирования, т. е. осознанной и одобренной большинством населения политики.

Место планирования в развитии современной экономики

Сегодняшний мир захлестывают проблемы – нищета сотен миллионов и бедность миллиардов, достигшее беспрецедентных размеров неравенство не только отдельных стран населения, но и целых стран в доступе к общественным благам, искусственное торможение развития человека, неустойчивость мировой экономики к шокам различной этиологии и многое другое. Проблема устойчивости общественного развития стала настолько весомой и очевидной, что вызвала к жизни известные документы ООН по достижению целей устойчивого развития¹, множественные дискуссии различного уровня – от Давоса до Пекина², от саммитов семерки до всемирных социальных форумов³.

Уже давно, со времен докладов Римскому клубу, стали очевидными угрозы нарушения глобального экологического равновесия в погоне за безудержным и далеко не всегда разумным наращиванием объемов потребления. Но сейчас масштаб этих угроз стал еще более пугающим⁴ [Залясевиц et al.].

Менее очевидными, но не менее опасными являются угрозы бездумного вмешательства при помощи новейших технологий в образ жизни и в саму природу человека. Замедление экономического роста при растущем имущественном неравенстве и неравенстве доходов чревато социальными конфликтами [Piketty T. (2014); Bodrunov S. D., Galbraith James K.] (Пикетти; Бодрунов & Гэлбрейт).

Назревшая необходимость перехода к новому типу общественного устройства производственной деятельности человека сама собой не реализуется. Без целенаправленной работы по поддержке этого процесса не обойтись. Необходимо сменить нынешнюю траекторию развития, чреватую тупиками, и проложить иной курс, позволяющий разрешать нарастающие противоречия и шаг за шагом двигаться к нооэкономике.

Такой курс задает план. План – в рамках стратегии перехода к новому состоянию общества. При этом мы должны понимать, что есть концепция развития, есть стратегия, определяющая долгосрочные перспективы, глобальные цели и основные средства их достижения в рамках принятой концепции. А план следует рассматривать как институт, определяющий систему правил, последовательность шагов, действий, поворотных точек на пути к стратегической цели. На современном этапе – дополняющих и корректирующих рынок, чья «невидимая рука» нередко указывает отнюдь не в сторону прогресса, а в сторону финансиализации и регресса.

Но может ли план как институт быть востребован в нынешних условиях? Мы полагаем, что да. С нашей точки зрения, план в текущей ситуации – это объективно обусловленное дополнение рыночного саморегулирования, но не исключительная альтернатива ему. Пла-

¹ United Nations. (2000). United Nations Millennium Declaration. Adopted by General Assembly resolution 55/2. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml; United Nations. (2015). Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution 70/1 adopted by the General Assembly. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>

² New Economy Forum (2019). Beijing, November 20-22. URL: <https://www.neweconomyforum.com/2019-new-economy-forum-beijing/>; World Economic Forum. (2020). Annual Meeting. Davos-Klosters, Switzerland. URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2020>

³ World Social Forum. (2021). Opening and closing of the Virtual World Social Forum. URL: <https://wsf2021.net/>; G7 Summit. (2020). Video Teleconference Meeting March 16. URL: https://www.mofa.go.jp/ecm/ec/page4e_001055.html

⁴ Earth Overshoot Day. (2020). Global Footprint Network. URL: <https://www.footprintnetwork.org/our-work/earth-overshoot-day/>; United Nations. (2019). UN Report: Nature's Dangerous Decline 'Unprecedented'; Species Extinction Rates 'Accelerating'. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2019/05/nature-decline-unprecedented-report/>

новые методы позволяют сочетать плюсы рыночного саморегулирования и планомерности. При этом, с одной стороны, повышается эффективность бизнес-моделей в экономических процессах, с другой – это позволяет ставить и целенаправленно решать задачи редуцирования негативных эффектов применяемых бизнес-моделей в интересах социума и стимулирования развития ноотенденций в экономике. И именно сейчас это становится условием выживания и разумного развития социума. Отсюда – возрастающий интерес к плановым методам управления экономикой.

У России богатейший опыт в этом деле. И в то же время сегодня мы как никогда нуждаемся в определении своего пути в меняющемся глобальном мире, целей развития и в рациональных способах достижения этих целей. Поэтому нам важно осознать необходимость поиска таких способов. Формирование концепции развития, плюс – стратегии развития страны на перспективу, плюс – использование института планирования для достижения этих целей – это та триада, реализация которой позволит вывести нашу страну на передние рубежи цивилизационного развития.

Есть ли у нас инструменты для такой работы? Много (хотя и не все) есть.

Отметим, что практически весь постсоветский период страна развивалась, не имея ни обозначенной стратегии, ни добротных инструментов ее реализации. Ведущие экономисты страны подчеркивают нетерпимость такого положения: «Исторический опыт России и опыт других стран показывает, что устойчивое развитие невозможно без полноценного стратегического планирования, адаптированного к реалиям современной социально-экономической системы России» [Аганбегян и др., 2020, с. 25]. И добавляют: «Стратегическое планирование позволит обществу и государству решать насущные задачи развития, выходящие за границы получения прибыли и частных корпоративных интересов, и подчиненные приоритетам развития страны в целом» [Там же, с. 26].

Сейчас у нас есть закон о стратегическом планировании (при всех его недочетах). Установлены цели национального развития, из которых понятно, что мы намерены строить социально ориентированное общество с развитой экономикой, базирующейся на новом технологическом укладе. Есть многие подцели этих национальных целей. Есть национальные проекты. И немало отраслевых, региональных и прочих стратегий. Есть множество различных «планов».

Однако качество нашего стратегического планирования оставляет желать лучшего [Клепач, 2016, с. 55–57]. О его проблемах и необходимых направлениях совершенствования достаточно подробно рассказано в книге, написанной автором этой статьи в соавторстве с иностранным членом РАН, профессором МГУ им. М. В. Ломоносова В. Л. Квинтом [Квинт, Бодрунов, 2021]. Это – проблема, которая становится экзистенциальной для нашего экономического развития. Более того, назрела острая необходимость выработки стратегии развития страны и использования для ее реализации планирования в качестве главного инструмента. Скажем шире – возрождения института планирования на практике с учетом современных условий.

Правительство по поручению Президента РФ работает над проектом Стратегии развития России. Горизонт стратегии – 2035 г. и более отдаленная перспектива – вплоть до 2050 г.¹

¹ Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2019). Комитет Совета Федерации по экономической политике. Стенограмма парламентских слушаний на тему «Реализация Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в субъектах Российской Федерации» 28 мая 2019 года. URL: <http://council.gov.ru/media/files/75Yfi7H4uLDDUQkiZLZ7SQON64FUH1MI.pdf>

Создано несколько рабочих групп, анализируются варианты, механизмы, ресурсы. Предполагается, что будут определены цели и выработаны направления главного удара.

Следуя призыву Президента России включиться в конструктивную дискуссию по этой важнейшей проблеме, эксперты ВЭО России (а это – весьма представительная группа крупнейших макроэкономистов страны) в ходе сложных дискуссий и непростых консультаций подготовили и направили в Правительство России документ «Новые пути России (к вопросу о Стратегии развития России)»¹.

Он ориентирует в выработке стратегии на пять основных направлений:

1. *Новая социальная модель развития.* Здесь в качестве главной обозначена конкретная цель: сокращение доли малообеспеченного населения и увеличение доли среднего класса. В числе мер – не только обширный пакет традиционных, но радикально усиленных мер по поддержке малообеспеченных и нуждающихся страт и социальных групп, но, к примеру, введение на достаточно высоком уровне общероссийского стандарта услуг общественного и бюджетного сектора и оплаты труда (при значимом повышении доли затрат на оплату труда в национальном продукте), меры по снижению межрегиональной и межотраслевой дифференциации в оплате труда, корректировка денежно-кредитной политики, меры налогового регулирования материального неравенства граждан.

2. *Переход от отставания к научно-технологическому прорыву и занятию лидирующих позиций в мировом научно-техническом соперничестве.* Целевой ориентир – удвоение темпов технологического развития и вхождение к 2035 г. не в десятку (как предполагалось ранее), а в пятерку мировых научно-технических лидеров по базовым направлениям 6-го ТУ; важнейшие инструменты – технологическое перевооружение индустриального сектора экономики, вложения в инфраструктуру и т. д.

3. *Экологически ориентированное развитие и создание каркаса экономики природосбережения.* При этом в качестве приоритета здесь обозначено не столько сокращение «углеродного следа» (куда в последние годы двигались и на чем сейчас жестко споткнулись США и особенно ЕС), сколько комплексное использование природных ресурсов при принятии и реализации высоких норм природосбережения в рамках концепций «чистый воздух», «чистая вода», «рациональное лесопользование», а также решение проблемы промышленных и бытовых отходов и др. при поддержке внедрения экологически чистых технологий в традиционной для России энергетике.

4. *Новая модель пространственного развития, направленная на подъем срединной России и новый поворот на Восток и к Арктике.* Чрезвычайно важное значение имеет уход от специализации этих регионов только на добыче полезных ископаемых: «... в ситуации специализации на стадии добычи, когда производимые ресурсы не являются началом более протяженных технологических кооперативных связей внутри региона, не формируются соответствующие мультипликативные эффекты и добыча природных ресурсов, как и ранее, не создает заметных импульсов развития для территории. Следствием отмеченных проблем является дезинтеграция экономического пространства России. Особенно остро эта проблема стоит в случае территорий Сибири и Дальнего Востока ...», – отмечает академик РАН В. А. Крюков [Крюков, Коломак, 2021, с. 103]. Для решения этих проблем предлага-

¹ Новые пути России (к вопросу о стратегии развития России) (2021) // Вольная экономика URL: <http://freeconomy.ru/vazhnoe/idti-svoim-putem-k-voprosu-o-strategii-razvitiya-rossii.html>

ются создание новых уровней и механизмов территориального управления и финансирования регионального развития, поэтапный переход от нынешней практически полностью дотационной на нормальную систему финансирования – самокупаемость, самофинансирование и на этой основе! – самоуправление, формирование бюджетов развития регионов и территорий, перераспределение налогов и другие меры.

5. *Направление, связанное с евразийским вызовом.* Глобальные центры мирового экономического развития в ближайшие десятилетия неизбежно переместятся на Восток, на Азиатский континент, что необходимо учитывать. При этом идет мощная экономическая реструктуризация и реинтеграция евразийского пространства, и Россия должна внести в этот процесс свой вклад и получить определенные бенефиции. Отсюда – задачи по формированию Россией в странах – наших азиатских соседях и экономических партнерах – центров экономического, образовательного, научного и социального сотрудничества с созданием и развитием соответствующих (ныне отсутствующих либо слабо функционирующих) институтов.

В целом Стратегия развития России, по мнению экспертов ВЭО России, должна быть направлена на формирование привлекательной модели жизни для своих граждан, на реализацию возможности сбалансированного, устойчивого развития, обеспечивающего гармонизацию целей существенного прогресса в экономике, связанного с переходом к новому состоянию общества, к НИО.2, с одновременным ростом человеческого богатства и природосбережения.

Очевидно, что такая стратегия потребует возрождения института планирования. Как справедливо указывает академик А. Г. Аганбегян: «... без планирования у нас отсутствует реальная, действенная единая экономическая политика. Она складывается из разрозненных нескоординированных действий корпораций, контролируемых государством, госбанков, федерального бюджета, бюджетных расходов регионов, является суммой их усилий, которую никто не сводит воедино, никто как следует не контролирует, не выправляет. Единое руководство отсутствует даже в рамках государственного управления» [Аганбегян, 2019, с.187].

Необходима разработка системы прогнозирования и индикативного планирования социально-экономического развития страны в соответствии с законом о стратегическом планировании. При этом, исходя из особенностей и закономерностей нынешнего этапа научно-технического прогресса и уровня социально-экономического развития страны, перспективные прогнозы и форсайты должны формулироваться на период 15–20 лет и более, уточненные среднесрочные прогнозы – на срок до 10 лет, конкретизированные краткосрочные – на 1–3 года. Последние могли бы стать основанием для формирования годовых и трехлетних индикативных планов развития страны, включающих характеристики всех основных макроэкономических параметров и инструментов реализации государственной политики и программ развития госсектора, под которые должен формироваться госбюджет. Как справедливо отмечает академик РАН С. Ю. Глазьев: «...рекомендательный характер индикативного плана должен сочетаться с его директивностью для чиновников и органов государственного управления всех уровней» [Глазьев, 2005].

Что необходимо для создания такой системы планирования, контуры которой здесь обозначены? Многие коллеги полагают уместным возвращение к идее Госплана (в адекватной сегодняшней ситуации форме), создание некоего органа, координирующего эту ра-

боту. Такого рода идеи выдвигались и раньше [Клепач, 2016, с. 52; Орешин, 2016, с. 90] как логический вывод из исторического опыта СССР и других стран, применявших плановые методы. Действительно, наличие экономической стратегии предполагает использование стратегического планирования как инструмента ее реализации, а это невозможно при ведомственной разобщенности государственных органов, осуществляющих разработку планов, их ресурсное обеспечение; принимающих меры целеориентирующего экономического стимулирования бизнеса и отвечающих за достижение стратегических целей.

Заметим, однако, что долгое время идеи не только планирования, но даже активной промышленной политики предавались в нашей стране анафеме. Считалось, что рыночное саморегулирование – универсальный и наиболее эффективный способ решения всех проблем всегда и при любых условиях, а государственное вмешательство только искажает рыночное равновесие [Ясин, 2003, 2004]. Однако, сегодня при той глубине проблем, с которыми сталкивается российская экономика, невозможно уповать на идеализированную картинку автоматически действующих рыночных сил: «Российская экономика находится в состоянии структурно-технологического неравновесия, характеризующегося непропорциональным распределением факторов производства и финансовых ресурсов. Для устранения такого рода диспропорций необходима специализированная структурно-инвестиционная политика – комплекс мер, нацеленных на сглаживание диспропорций отраслевого, технологического и пространственного характера, которые затрудняют взаимодействие между секторами экономики и не устраняются традиционными рыночными механизмами» [Ивантер и др., 2017, с. 8].

России нужен модернизационный рывок. Мифы рыночного фундаментализма и постиндустриализма показали свою нежизнеспособность. Мы не предлагаем отказаться от рынка в России, но хотим дополнить его плановыми методами, ибо, по нашему мнению, только так в России возможно решение задачи реиндустриализации экономики на новой технологической основе (в первую очередь на основе знаниеинтенсивного, адекватного для перехода к НИО.2 производства) на первом этапе модернизации и продвижение к социально ориентированному государству, более справедливому устройству общества и ноономике – на последующих этапах.

Необходимость национальной стратегии развития

В движении к ноономике следует опираться на те возможности и предпосылки ее формирования, которые складываются уже сейчас. Важнейшая из них, как показано выше, – возможность сознательного и целенаправленного совершенствования общественных отношений. Иначе говоря, продвижение от НИО.2 к ноономике должно осуществляться как сознательно рассчитанный и поэтапно реализуемый долгосрочный стратегический проект. К настоящему времени наиболее полно разработанной концепцией формирования и реализации таких проектов является концепция стратегирования академика В. Л. Квинта [2019, 2020].

Для реализации продвижения к ноономике как стратегическому проекту важно понимать, что в данном случае целевой установкой стратегии выступает не ноономика как таковая. Стратегия опирается на определенные интересы и ключевые ценностные ориентиры общества. Каковы же эти ориентиры?

Цель любой стратегии развития – улучшение качества жизни человека и общества. Сложность этой задачи в том, что необходимо определить – реализация каких конкретно

интересов и ценностей на данном этапе приведет к росту качества жизни. Именно они составляют основу формулирования стратегических приоритетов. Но даже этого недостаточно. Необходимо выявить, ради реализации каких приоритетов мы можем обеспечить формирование преимуществ, позволяющих достичь значимого прогресса, а не растрачивать ресурсы в стремлении к заманчивым, но утопичным на данном этапе целям [Квинт, 2018].

Качество жизни выступает не только как некий общий, но и как абстрактный ориентир, не раскрывающий во всей полноте ни конкретных приоритетов стратегии, ни тех преимуществ, которые можно использовать для их обеспечения. Определение качества жизни будет весьма различным для разных общественных условий и уровней экономического развития, как и средства достижения этого целевого ориентира. Но уже сейчас можно сказать, что современное понимание качества жизни должно сочетаться с созданием условий для раскрытия креативных возможностей человека [Квинт, Окрепилов, 2014, с. 425].

Изучение современных объективных тенденций, позволяющих сделать вывод об эволюции общества в направлении к ноономике, дает представление о значимых интересах и ценностях, а также о преимуществах, на которые мы можем опереться в достижении поставленных целей. Приоритеты должны быть уточнены исходя из национальных особенностей объекта стратегирования. Для России, например, речь идет о безусловной реиндустриализации на технологической основе NBICS-парадигмы как необходимым этапе для обеспечения последующих стратегических сдвигов.

Стратегия движения к ноономике имеет крайне далекий горизонт реализации и предполагает достижение промежуточных рубежей, к каждому из которых ведет определенный стратегический проект. При этом реализация первого по времени стратегического проекта всегда требует смены стратегии и разработки нового проекта, ведущего к следующему стратегическому рубежу. Как отмечает В. Л. Квинт: «...даже самые успешные стратегии достигают этапа, на котором в связи с изменением условий или потребностей должен начинаться переход к новой стратегии» [Квинт, 2019, с. 28]. Можно предварительно принять, что для нашей страны первым таким рубежом станет реиндустриализация в упомянутом варианте, затем – формирование НИО.2, а в последующем – движение непосредственно к ноономике. Для каждого из этих рубежей нужна конкретная формулировка как интересов и приоритетов, так и стратегических преимуществ, которые в совокупности будут определять концепцию стратегирования для каждого этапа развития.

Концепция ноономики позволяет однозначно утверждать, что независимо от специфики каждого из этапов их цели и приоритеты должны быть сформулированы с учетом необходимости обеспечить условия для развития человеческой личности. В то же время следует считаться с тем, что пока мы все еще находимся в экономическом обществе и не можем немедленно отказаться от экономических критериев рациональности. Это накладывает отпечаток на интересы и приоритеты нашего общества, оставаясь существенной, если не основной, компонентой критериальной базы выбора поведенческих практик людей. Ставя задачу ограничить безудержное стремление к наращиванию объема потребления, мы должны считаться с тем, что у значительной части членов общества еще не обеспечены базовые жизненные потребности. При этом важно, что одновременно с решением данной задачи должны формироваться материальные и духовные предпосылки для расширения возможностей творческой деятельности, освоения культурного богатства и формирования на этой основе разумных критериев потребления [Квинт, Бодрунов, 2021, с. 114–126].

Что касается преимуществ, на которые может опираться стратегия движения к ноономике, они должны конкретизироваться применительно к каждому этапу этого движения. К примеру, потенциальные преимущества для осуществления реиндустриализации заключаются в возможности сочетания потока доходов от топливно-сырьевого экспорта с возможностями в области фундаментальных научных исследований, сохранившимися инженерными и проектно-конструкторскими школами, а также промышленной базой в ряде высокотехнологичных отраслей. Для перехода на ступень НИО.2 следует добавить к этим преимуществам значительное расширение воспроизводства человеческого потенциала. При переходе от этапа к этапу должно расширяться использование преимуществ, связанных с раскрытием потенциала человеческой личности и воспитанием «человека культурного». В этом видится не только один из важнейших приоритетов развития, но и фактор, дающий существенные преимущества в этом развитии.

Тем не менее на промежуточных рубежах чисто экономические критерии деятельности будут играть существенную роль, а человек еще не полностью утратит свойства «человека экономического». Лишь с закреплением на стадии НИО.2 возникнут условия для постепенного сокращения роли экономических форм и отношений, которые опосредуют и регулируют производственную деятельность человека. Благодаря использованию «технологий доверия» будет сжиматься сфера экономического посредничества, а массовое вытеснение человека из непосредственного производства приведет к снятию с общественных отношений оболочки производственных отношений. Только на такой основе можно отойти от экономической рациональности и перейти к рациональности, основанной на критериях разума и культуры.

Концепция ноономики ориентирует стратегию развития общества на разработку принципиально новых технологий, являющихся результатом прорывных научных исследований и опирающихся на использование высокоразвитого человеческого интеллекта. Именно такие технологии обеспечат снижение материальной ресурсоемкости производства и перемещение людей из непосредственного процесса производства в сферы творческой деятельности.

Такого рода прорывные исследования и созданные на их основе технологии имеют важнейшее значение для стратегирования. Их разработка и применение позволяют достигать сформулированных выше стратегических целей на каждом этапе реализации стратегии, направленной на повышение качества жизни во всех его аспектах. Поэтому важна система поиска и трансфера инновационных разработок, позволяющая обнаружить и использовать их для обеспечения приоритетов стратегии [Квинт, Хворостяная, Сасаев, 2020, с. 1176].

Разработка стратегии должна не просто улавливать современные тенденции развития, чтобы опереться на них, она должна прогнозировать, определять потенциальное влияние и включать в процесс стратегирования тренды, которые еще не проявили себя или не сформировались. «Наиболее инновационные и потенциально успешные стратегии основаны на анализе не выясненных к началу реализации стратегии трендов и закономерностей» [Квинт, 2015, с. 6].

Сохранение ориентации на узкие критерии экономической рациональности, когда рациональным является все, что приносит экономические выгоды, не позволяет отказаться от безудержного поглощения природных ресурсов, сопровождаемого загрязнением природной среды, изменением климата, утратой биоразнообразия и прямым разрушением природных объектов, необходимых для существования человека.

Разрешение этого противоречия требует изменения парадигмы общественного производства, а также критериев формирования целей производства и человеческих потребностей. Основой для этого является возрастание знаниеинтенсивности производства и постепенное вытеснение человека из процесса производства в сферу творческой деятельности. Главной целью производства становится не объем потребления, а развертывание творческого потенциала личности человека. Место экономики постепенно займет ноономика – неэкономический способ удовлетворения потребностей на основе критериев разума и культуры.

Чтобы избежать конфликтов и зигзагов на этом пути, нужно придать движению к ноономике управляемый характер; разработать долгосрочную стратегию поэтапного движения от рубежа к рубежу – через реиндустриализацию к НИО.2, а затем к ноономике. Применительно к национальным целям развития повышение качества жизни и движение к обществу, способному создать достойные человека условия жизни и деятельности, это миссия, которая должна лежать в основе стратегии национального развития. При этом с позиций ноономики качество жизни – это не только рациональный (по разумным критериям) уровень потребления, но и условия развития человеческой личности и повышения ее культурного уровня в процессе творческой деятельности. На такой основе возможно также снятие рисков, связанных с нарушением воспроизводства природной среды.

Реализация этой миссии может рассматриваться как главное послание, которое стратегия движения к ноономике обращает к нашей стране и человечеству. Фактически речь идет о смене в перспективе многих цивилизационных установок и социального типа личности человека.

Через социализацию – к человеку культурному

Человек постепенно (исторически), по мере его становления как личности, все больше приобретает характер существа ноотипа, гуманистического существа, учитывающего не только собственные интересы, но и интересы окружающего пространства, общества, среды и др. Это движение от «зоо» к «ноо» есть, и оно исторически подтверждается. Другой вопрос: каким образом мы можем обеспечить приоритет этого движения, повышение темпов движения к «ноо» и торможение негативных процессов, редуцирующих человека и общество к «зоо»?

Общий пласт человеческого познания и норм поведения, который одновременно формируется на их основе, – общая культура человека, общества. Мы видим, что эта культурная составляющая бытия постоянно растет, развивается. Конечно, бывали в истории и обратные ситуации, тем не менее мы понимаем, что общий уровень культуры современного общества существенно выше, чем тысячу лет назад. Хотя, заметим, многие черты «первобытного» отношения к жизни сохраняются у части людей, которые недостаточно «вошли» в это самое культурное пространство.

Здесь – ключевой момент. Что значит – «вошли»? Мы понимаем, что в культурное пространство люди вошли не в равной мере: какие-то страты общества, какие-то индивиды или их сообщества более восприимчивы к тому пласту знаний, который называется культурой и ведет к развитию ноопотребностей человека, формированию его отношения к жизни как ноосущества, а какие-то – меньше. Мы видим многочисленные примеры «недоработок» нынешнего общества в этом плане, а где-то и целенаправленного выстраивания системы,

формирующей ограничения на вхождение человека в культурное пространство, не позволяющей ему формироваться как личности, оглуляющей человека. И делается это неслучайно, ибо *ограничение доступа человека к культуре есть предпосылка манипулирования им*. Этим занимаются, как легко догадаться, финансовый капитал и его сателлиты.

Сателлиты – это его производные, родные братья и сестры, его дети и внуки: в частности, бедность, неравенство, снижение доступа к потреблению феноменов культуры, к образованию и т. д. – все, что приводит к недополучению человеком арсенала знаний и культурных благ, который позволяет формировать ноочеловека. Все это используется также для оправдания тезисов о человеке как звероподобном существе, домыслов о невозможности в принципе избавиться от «зоо».

Теория ноономики принципиально возражает против этого. Каждый человек с рождения наделен задатками «ноо». Задатки, как известно из социальной психологии, не определяют способности, они являются предпосылками их формирования и развития. А что влияет на их формирование? Выражаясь языком той же социальной психологии, механизм такого формирования есть обобщение и закрепление в деятельности индивида всей гаммы психических процессов, которые являются отражением внешнего мира, его воздействия на индивида, формируя в том числе его мировоззрение, закрепляя в его сознании «коды» и ценности, позволяя ему осознавать мир и общество.

Мы живем в мире, где научный, научно-технологический и технический прогресс соединяются с прогрессом социальных знаний, познания человека, общества, его особенностей. На самом деле социальные исследования начались позже, чем научно-технологические и технические, хотя наиболее раннее направление такого общего развития представлено в философских трактатах и идеях на протяжении уже более двух тысяч лет. Но исследование человека как социального существа, как индивида в обществе началось с развитием психологических и социальных наук, примерно в конце XIX в. и продолжалось на протяжении XX в., получив признание как обширная сфера социальных наук во второй половине XX – начале XXI в. Это развитие дает свои результаты.

Термин «социализация» впервые применил в конце XIX в. социолог и философ Георг Зиммель, который понимал под ним образование социальных групп. В значении, более близком современному пониманию, это понятие раскрыли социологи Франклин Гиддингс [Giddings, 1897] и Жан-Габриэль Тард [Tarde, 1890], рассматривавшие его как формирование человеческой личности под влиянием социального окружения.

Сейчас это понятие используют во многих общественных науках и в довольно разных смыслах. Экономическая теория понимает под социализацией не освоение человеком системы социальных норм и стереотипов, а тенденцию усиления ориентации экономики на достижение социальных результатов. Такая социальная направленность экономики опирается на широкое производство общественных и опекаемых благ [Рубинштейн, 2011] при посредничестве и прямом участии государства. Это предполагает развитие государственного регулирования экономики, бюджетного финансирования образования, науки и здравоохранения, социальной помощи населению.

Но экономическая теория не может обойти вниманием проблемы социализации и в том их значении, в каком они рассматриваются в социологии. Дело в том, что в современном производстве коренным образом меняется роль человека, он выступает прежде всего как носитель знаний – основного ресурса развития экономики. И от того, по каким критериям

будет использована колоссальная мощь современного знания, зависит судьба нашей цивилизации. Критическую значимость для производства приобретает уровень социальной ответственности человека.

И научно-технический прогресс, и ослабление тяги к владению собственностью, и развитие творческих функций труда – все это подталкивает человека к тому, чтобы он становился все более ответственным, все более культурным и социально ориентированным – человеком, для которого важны его социальная миссия и общественное признание, а не бесконечная погоня за поглощением материальных благ. Так человек шаг за шагом идет от «зоо» к «ноо», попутно меняя не только собственное поведение, но и стержень нравственных норм и ценностей, на которые он опирается.

Человек социализируется, социализируя в свою очередь общество – среду своего обитания и жизнедеятельности. И важно не упустить именно эту, «оборотную» сторону данного процесса. Человек в процессе социализации выступает не как пассивно принимающий общественные нормы, общественную мораль, социальные стереотипы. Нет, социализирующийся человек оказывает активное влияние на ценности и социально-культурные нормы, вырабатываемые обществом. Не только человек социализируется под влиянием общества, но и общество социализируется под воздействием активной деятельности человека, преобразующего сложившиеся культурно-нравственные нормы, ценности, мотивы, а также соответствующие социальные институты. Если содержанием процесса будут осмысленные и согласованные усилия людей, направленные на освоение обществом лучших достижений человеческой культуры, то это обеспечит расширение социального ноопространства, движение к ноообществу.

Предложенная нами трактовка термина «социализация общества» позволяет понять, что соединение в теории ноономики нашего подхода, связанного с развитием технологическим, с идеей опережающего познания человеком социальных знаний, формирования социальной структуры через механизм социализации и поэтапное движение к новому человеку (с точки зрения его адаптации в обществе и адаптации общества «под себя», под реальные потребности), движение к самоограничению и прочее – это то, на что следует обратить внимание в *практической* деятельности государственных и общественных институтов.

Отметим, что *идея человека как социального существа, которое формируется обществом и формирует общество, не нова*, как и постановка вопроса о том, что человек творит историю. Но – приобретает новую актуальность в свете проблем, исследуемых в теории ноономики.

Важно понимать, что, находясь в обществе, индивид «кодируется» обществом, принимает в процессе социализации в качестве «кода» то нравственно-ценностное ядро, которое на данный момент составляет социальную сущность общества и определяется критериальной базой ценностей ему присущих. Именно в этом смысле индивид социализируется. Но и сам индивид, влияя на общество, «социализирует» его, меняя его нравственно-ценностное ядро; задача состоит в том, чтобы это ядро видоизменялось *в направлении, определяемом ноокритериальной базой*. Открытие, расширение, освоение такого знания, включение его в нравственно-ценностное ядро – важный аспект задачи социализации общества, «делания» его более «социальным», неиндивидуалистичным, более комфортным к индивиду, более «ноо»ориентированным.

Если к этому добавить процесс познания человеком своих потребностей, т. е. соединить эти два процесса получения знаний одного и другого типа в единое целое, то с этими механизмами и методическими наработками мы получим ключ к решению задачи продвижения к «ноо»человеку. Ключ к формированию человека не просто неэкономического (не использующего экономические механизмы для удовлетворения своих потребностей), а человека, который будет осознанно работать над собой и делать все необходимое, чтобы, с одной стороны, иметь достаточный, по его разумению, уровень благополучия (социального, материального, душевного, духовного) и, с другой – не испытывать потребности (реальной потребности!) в расширении производства того, что на данном этапе развития невозможно получить без ущерба обществу, окружающему миру и другим людям.

На такой траектории видится путь к постепенному реформированию нынешних цивилизационных, социально-культурных установок. Но какой должна быть основа и поддержание такого реформирования, которое встает в повестку дня уже сегодня?

Принцип солидаризма

К сожалению, сейчас технологии в своем развитии опережают процесс повышения уровня культуры, понимания человеком «что можно, а чего нельзя». Не торопится человечество и с решением проблем, обозначенных в Целях развития, принятых ООН. Однако объективные силы и вызовы бытия взывают к их решению. Великие ученые и инженеры, создавшие атомную бомбу, позднее осознали, что применять ее нельзя, и предприняли некоторые усилия, чтобы этого не случилось. Это – показательный пример осознания человеком необходимости ограничений в применении технологических возможностей. В этом же ряду Карибский кризис середины прошлого века, когда политики смогли договориться и найти способы устранения возникающих угроз и опасностей.

Развитие современных технологий и возрастающих вместе с этим рисков не только повышает потребность в общественном согласовании действий людей, но и создает для этого предпосылки, которые не реализуются автоматически, ибо натываются на барьеры сложившихся интересов и социальных стереотипов. Тем важнее разобраться с идеологической основой перехода к обществу, освобождающемуся от экономической рациональности.

Важнейшим принципом такой идеологии представляется принцип солидаризма, на основе которого возможно формирование социально-институциональных рамок, обеспечивающих неконфликтное взаимодействие индивидов и социальных групп.

Мы не рассматриваем здесь изучаемые экономической наукой явления «экономики солидарности» (например, кооперативы или сети обществ взаимопомощи), хотя эти явления имеют определенную связь с феноменом солидаризма. Речь идет о гораздо более широком феномене, охватывающем взаимодействие всех социальных субъектов на качественно новом уровне. Принципиальным моментом является отход от социальных конфликтов, столкновений, вражды и конкуренции. На современной стадии развития эти социальные феномены представляют все большую опасность для общества. По этому поводу М. К. Горшков [2012, с. 24] отмечает: «...случайности революций и трансформаций или насильственные преобразования не обеспечивают качественной перестройки общества, истинного обновления общественного сознания».

На их место заступают иные основы взаимодействия людей: поиск общей платформы ценностей и целей развития, выработка взаимоприемлемых путей решения проблем и ор-

ганизация для этого совместной деятельности и поиск компромиссов даже при различии интересов. Для этого основными мотивами деятельности людей должны стать не прибыль или власть, а креативная служба обществу, – утверждает член-корреспондент РАН Ж. Т. Тощенко [2020, с. 312], а мы с ним солидарны.

Солидаризм – это концепция, сформулированная в середине и второй половине XIX в., нацеленная на достижение взаимного доверия, сотрудничества и солидарности различных слоев общества; объединение усилий различных классов, партий и общественных организаций, выражающих те или иные интересы. Реализация идей солидаризма осуществляется через добровольные объединения, а также систему договорных отношений, определяющих обеспечение общих интересов.

Основоположниками разработки концепций солидаризма выступили философ и экономист Пьер Леру [Leroux, 1840] и юрист Леон Буржуа [Bourgeois, 1896]. Оба желали прекращения социальной вражды и перехода к сотрудничеству, смягчения социальных антагонизмов через налоговую систему и различные программы социальной поддержки. Необходимым условием они считали приверженность идеалам демократии, равенства прав граждан и стремления к взаимопониманию различных социальных групп и слоев.

В XX в. идеи солидаризма нашли применение в политической и идеологической практике различных политических партий и общественных движений, несмотря на это они еще не получили последовательного практического воплощения. Вероятно, это неизбежно в экономическом обществе, пронизанном объективно обусловленной рознью социально-экономических интересов, вызывающей острые конфликты между различными социальными слоями и группами. Однако изменение условий производства, создающее материальные основы для более высокого уровня удовлетворения жизненных потребностей и тем самым для преодоления ожесточенной борьбы за средства существования, формирует и новые, более благоприятные условия для реализации идей солидаризма.

Мы уже наблюдаем отдельные ростки практического воплощения этой идеи в формах «экономики солидарности», получивших заметное развитие (о них упоминалось выше). Можно прогнозировать дальнейшее расширение их применения, что станет частью процесса формирования переходных ступеней движения человеческой цивилизации к ноообществу.

Понятно, что современное общество остается рыночно-капиталистическим, экономическим в своей основе. В таком обществе реальные отношения и институты, основанные на солидаризме, могут в большинстве случаев вести лишь латентное (скрытое) или маргинальное существование в рамках господствующей системы отношений. Солидаризм тесно связан с социализацией общества и экономики, которая создает основы для экономического прогресса и смягчения социальных противоречий.

Поскольку общество на данном этапе остается экономическим, следует использовать для такого развития экономические средства. И тут обратим внимание на возможности, заложенные в использовании инструментов стратегического планирования и подкрепляющей его активной промышленной политики. Наряду с этим надо применять и тот потенциал, который заложен в социальной ориентации экономики, в развитии различных форм совместного производства, обмена, присвоения, использования и потребления.

По нашему мнению, стратегия развития России должна включать использование всех инструментов, позволяющих сформировать такую модель экономики и общества, которая

отвергает отношения господства и подчинения между социальными субъектами, борьбу за получение односторонних выгод и преференций. Сложившиеся социально-экономические институты, в том числе институт собственности, по-прежнему консервируют такой подход. Но дальнейшее развитие и поиски выхода из назревающего цивилизационного кризиса настоятельно требуют взаимного учета интересов различных субъектов, поиска компромисса этих интересов и в конечном счете солидарного преодоления всех противоречий, которые обостряются в производственной, экологической и социальной сферах.

Осознание этой необходимости нашло отражение в концепциях «капитализма заинтересованных сторон» (англ. – *stakeholders capitalism*) [Measuring..., 2020]; соконкуренции, подразумевающей соединение сотрудничества и конкуренции (англ. – *co-competition* или *coopetition*) [Brandenburger, 1996]. Происходящий поворот к исследованию возрастания значения отношений сотрудничества и взаимного учета интересов является еще одним аргументом в пользу признания концепции солидаризма в качестве перспективной идейной основы движения к ноообществу.

Ценность общественных связей, основанных на солидарности, получает признание и в нашей стране. Совсем недавно были приняты поправки к Конституции России, согласно которым статья 75.1 была сформулирована следующим образом: «В Российской Федерации ... обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность»¹.

Заключение

Резюмируя, зададимся вопросом: где мы можем найти ориентиры перехода к качественно новому состоянию общественного бытия?

При этом мы, безусловно, понимаем, что проблем много, и они являются следствием реальной экономической политики, которую проводят мировые державы, далеко не всегда принимая правильные меры для позитивного развития. Также очевидно, что траектория продвижения к нооэкономике и ноообщественному устройству не будет прямой, на этом пути неизбежны многие «побочные» и попятные движения.

Теория нооэкономки призвана внести вклад в решение этих проблем, задавая целевые ориентиры, указывая на то будущее, к которому надо стремиться; движение к нему будет означать преодоление проблем, с которыми мы сталкиваемся. Нооэкономка подсказывает нам путь, который предстоит пройти, и приоритетные вехи на этом пути.

Список источников

- Аганбегян А. Г. (2019). О драйверах социально-экономического роста / Научные труды ВЭО России. Т. 218. С. 180–209.
- Аганбегян А. Г., Клепач А. Н., Порфирьев Б. Н., Узяков М. Н., Широков А. А. (2020). Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию // Проблемы прогнозирования. №6. С. 18–26.
- Бодрунов С. Д. (2021) Что такое нооэкономка? /А(О)нтология нооэкономки: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР. С. 19–92.

¹ Сайт Consultant.ru. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/844d980197f23461acb5a6699db6e34227150003/

- Бузгалин А. В. (2019). Государство в экономике XXI в.: политико-экономическая интерпретация // Экономическая наука современной России. № 3. С. 7–18.
- Гайдар Е. (1995). Государство и эволюция. М.: Изд-во «Евразия». 208 с.
- Глазьев С. Ю. (2005). Выбор будущего. М.: Алгоритм. 352 с.
- Горшков М. К. (2012). Общество – социология – власть: к вопросу о взаимодействии // Социологические исследования. № 7. С. 23–28.
- Гэлбрейт Дж. (1969). Новое индустриальное общество. М.: Прогресс. 480 с.
- Ивантер В. В., Порфирьев Б. Н., Широков А. А., Шокин И. Н. (2017). Основы структурно-инвестиционной политики в современных российских условиях // Вестник Финансового университета. №1. С. 6–15.
- Квинт В. Л. (2015). Разработка стратегии: мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней среды // Управленческое консультирование. Т. 79, №7. С. 6–11.
- Квинт В. Л. (2018). К анализу формирования стратегии как науки // Вестник ЦЭМИ. № 1. URL: <https://doi.org/10.33276/S0000121-6-1>.
- Квинт В. Л. (2019). Концепция стратегирования: Т. 1. СПб.: СЗИУ РАНХиГС. 132 с.
- Квинт В. Л. (2020). Концепция стратегирования: Т. 2. СПб.: СЗИУ РАНХиГС. 162 с.
- Квинт В. Л., Бодрунов С. Д. (2021). Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте. 351 с.
- Kvint V.L., Bodrunov S.D. (2023). Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, and Noonomy. Oakville, USA: Apple Academic Press. 228 p.
- Квинт В. Л., Окрепилов В. В. (2014). Качество жизни и ценности в национальных стратегиях развития // Вестник Российской академии наук. Т. 84, №5. С. 412–425.
- Квинт В. Л., Хворостяная А. С., Сасаев Н. И. (2020). Авангардные технологии в процессе стратегирования // Экономика и управление. Т. 26, №11. С. 1170–1179. URL: <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-11-1170-1179>.
- Клепач А. Н. (2016). Поворот к стратегическому планированию: терни и перспективы // Вопросы политической экономии. №1. С. 44–63.
- Колганов А. И. (2019). Будущее государство в экономике: российские дискуссии и их международный контекст // Экономическая наука современной России. № 3. С. 18–29.
- Крюков В. А., Коломак Е. А. (2021). Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Научные труды ВЭО России. Т. 227. С. 92–114.
- Орешин В. П. (2016). Потенциал планирования экономики // Вопросы политической экономии. №1. С. 44–63.
- Плеханов Г. В. (1956). Наши разногласия. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. М.: Изд-во социально-экономической литературы. 848 с.
- Поппер К. (1992). Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 2. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива». 528 с.
- Рубинштейн А. (2011). К теории опекаемых благ. Неэффективные и эффективные равновесия // Вопросы экономики. №3. DOI: [org/10.32609/0042-8736-2011-3-65-87](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-3-65-87).
- Самуэльсон П., Нордхаус В. (2005). Экономика. 16-е изд. М.: ИД «Вильямс». 1328 с.
- Стиглиц Дж. (1997). Экономика государственного сектора. М.: Изд-во МГУ; ИНФРА-М. 720 с.
- Туроу Л. (1999). Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск: «Сибирский хронограф». 432 с.

- Уилэн Ч. (2005). Голая экономика. Разоблачение унылой науки. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес». 368 с.
- Хиггс Р. (2016). Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства. Челябинск: ИРИСЭН; Социум. 454 с.
- Хомский Н. (2012). Государство будущего. М.: Альпина нон-фикшн. 104 с.
- Цаголов Н. А. (1973). Курс политической экономии: в 2 т. Т. 2. М.: Экономика. 670 с.
- Ясин Е. Г. (2003). Нерыночный сектор. Структурные реформы и экономический рост. М.: Фонд «Либеральная миссия». 88 с.
- Ясин Е. Г. (2004). Новая эпоха – старые тревоги: Экономическая политика. М.: Новое издательство. 456 с.
- Bodrunov S. D. & Galbraith James K. (2017). New Industrial Revolution and Inequality Issues: Study guide. Ed. by S. D. Bodrunov. Plekhanov Russian University of Economics: Moscow, Russia. 122 p.
- Bourgeois L. (1896). Solidarité. P.: Colin. 470 p.
- Brandenburger A. M., Nalebuff B. J. (1996). Co-opetition. New York, Doubleday. 290 p.
- Giddings F. H. (1897). The Theory of Socialization. New York, The Macmillan Company. 66 p.
- Leroux P. (1840). De L'humanité de son Principe, et de son Avenir ou se Trouve Exposée, la Vraie Définition de la Religion et ou l'on Explique le Sens, la Suite, et L'enchaînement du Mosaisme et du Christianisme. T. 1. Paris: Perrotin, Éditeur-Libraire. 467 p.
- Piketty T. (2014). Capital in the Twenty-First Century Cambridge, MA: Harvard University Press. 816 p.
- Tarde J.-G. (1890). Les Lois de l'imitation: étude sociologique. Paris, Félix Alcan. 431 p.
- Zalasiewicz J., Williams M., Waters C.N. etc. (2017). Scale and Diversity of the Physical Technosphere: A Geological Perspective // The Anthropocene Review. Vol. 4 (1). URL: <https://doi.org/10.1177/2053019616677743>.

References

- Aganbegyan A. G. (2019). Drivers of Socio-Economic Growth. *Nauchnyye trudy VEO Rossii* [Scientific Works of VEO of Russia]. Vol. 218. Pp. 180–209. (In Russ.)
- Aganbegyan A. G., Klepach A. N., Porfiryev B. N., Uzyakov M. N., Shirov A. A. (2020). Post-Pandemic Recovery: The Russian Economy and the Transition to Sustainable Social and Economic Development. *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting Problems]. No. 6. Pp. 18–26. (In Russ.)
- Bodrunov S. D. (2021). What Is Noonomy? In: *A(O)ntologiya noonomiki: chetvertaya tekhnologicheskaya revolyuciya i ee ekonomicheskie, social'nye i gumanitarnye posledstviya*. St. Petersburg: INID Publ. Pp. 19–92. (In Russ.)
- Buzgalin A. V. (2019). State in the Economy of the Xxi Century: Political Economy Interpretation. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia]. No. 3. Pp. 7–18. (In Russ.)
- Gaidar E. (1995). *State and Evolution*. Moscow: Evrazia Publ. 208 p. (In Russ.)
- Glazyev S. Y. (2005). *Future Choice*. Moscow: Algoritm Publ. 352 p. (In Russ.)
- Gorshkov M. K. (2012). Society - Sociology - Power: Questioning Interaction. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7. Pp. 23–28. (In Russ.)
- Galbraith J. (1969). *The New Industrial State*. Moscow: Progress Publ. 480 p.

- Ivanter V. V., Porfiriev B. N., Shirov A. A., Shokin I. N. (2017). Basis of Structural-Investment Policy in Modern Conditions of Russian Economy. *Vestnik finansovogo universiteta* [Finance: Theory and Practice]. No. 1. Pp. 6–15. (In Russ.)
- Kvint V. L. (2015). Development of Strategy: Scanning and Forecasting of External and Internal Environments. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Administrative Consulting]. Vol. 79. No. 7. Pp. 6–11. (In Russ.)
- Kvint V. L. (2018). To the Analysis of the Formation of a Strategy as a Science. *Vestnik TSEMI* [Herald of CEMI]. No. 1. URL: <https://doi.org/10.33276/S0000121-6-1>. (In Russ.)
- Kvint V. L. (2019). *Concept of Strategizing*. Vol. 1. St. Petersburg: North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ. 132 p. (In Russ.)
- Kvint V. L. (2020). *Concept of Strategizing*. Vol. 2. St. Petersburg: North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ. 162 p. (In Russ.)
- Kvint V. L., Bodrunov S. D. (2021). *Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, Noonomy*. St. Petersburg: S.Y. Witte INID. 351 p. (In Russ.)
- Kvint V.L., Bodrunov S.D. (2023). *Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, and Noonomy*. Oakville, USA: Apple Academic Press. 228 p.
- Kvint V. L., Okrepilov V. V. (2014). Quality of Life and Values in National Development Strategies. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 84. No. 5. Pp. 412–425. (In Russ.)
- Kvint V. L., Khvorostyanaya A. S., Sasaev N. I. (2020). Advanced Technologies in Strategizing. *Ekonomika I upravlenie* [Economics and Management]. Vol. 26. No. 11. Pp. 1170–1179. URL: <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-11-1170-1179>. (In Russ.)
- Klepach A. N. (2016). Turning to Strategic Planning: Thorns and Perspectives // *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 1. P. 44–63. (In Russ.)
- Kolganov A. I. (2019). The Future of State in the Economy: Russian Discussions and Their International Context. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia]. No. 3. Pp. 18–29. (In Russ.)
- Kryukov V. A., Kolomak E. A. (2021). Spatial Development of Russia: Main Problems and Approaches to Overcoming Them. *Nauchnyye trudy VEO Rossii* [Scientific Works of VEO of Russia]. Vol. 227. Pp. 92–114. (In Russ.)
- Oreshin V. P. (2016). Economy Planning Potential. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 1. Pp. 44–63. (In Russ.)
- Plekhanov G. V. (1956). *Our Differences. Selected Philosophical Works*. In 5 Volumes. Vol. 1. Moscow: Socio-Economic Literature Publishing House. 848 p. (In Russ.)
- Popper K. (1992). *The Open Society and Its Enemies*. In 2 Volumes. Vol. 2. Moscow: Fenix Publ., Cultural Initiative International Foundation. 528 p. (In Russ.)
- Rubinstein A. (2011). A Theory of Patronized Goods: Inefficient and Efficient Equilibria. *Voprosy ekonomiki* [Problems in Economy]. No. 3. DOI. org/10.32609/0042-8736-2011-3-65-87. (In Russ.)
- Samuelson P., Nordhaus V. (2005). *Economy*. 16th edition. Moscow: Williams Publishing House. 1328 p. (In Russ.)
- Stiglitz J. (1997). *Economics of the Public Sector*. Moscow: MSU Publ., INFRA-M Publ. 720 p. (In Russ.)

- Thurow L. (1999). *The Future of Capitalism: How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World*. Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf Publ. 432 p. (In Russ.)
- Wheelan C. (2005). *Naked Economics: Undressing the Dismal Science*. Moscow: ZAO Olimp-Biznes. 368 p. (In Russ.)
- Higgs R. (2016). *Crisis and Leviathan: Critical Episodes in the Growth of American Government*. Chelyabinsk: IRISEN Publ., Sotsium Publ. 454 p. (In Russ.)
- Chomsky N. (2012). *Government in the Future*. Moscow: Alpina Non-Fiction Publ. 104 p. (In Russ.)
- Tsagolov N. A. (1973). *Course on Political Economy*. In 2 Vol. Vol. 2. Moscow: Ekonomika Publ. 670 p. (In Russ.)
- Yasin E. G. (2003). *The Non-market Sector: Structural Reforms and Economic Growth*. Moscow: Liberal Mission Foundation. 88 p. (In Russ.)
- Yasin E. G. (2004). *A New Epoch, Old Troubles: Economic Policy*. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ. 456 p. (In Russ.)
- Bodrunov S. D., Galbraith James K. (2017). *New Industrial Revolution and Inequality Issues: Study Guide*. Ed. by S.D. Bodrunov. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics. 122 p.
- Bourgeois L. (1896). *Solidarité*. P.: Colin. 470 p.
- Brandenburger A. M., Nalebuff B. J. (1996). *Co-opetition*. New York: Doubleday. 290 p.
- Giddings F. H. (1897). *The Theory of Socialization*. New York: The Macmillan Company. 66 p.
- Leroux P. (1840). *De L'humanité de son Principe, et de son Avenir où se Trouve Exposée, la Vraie Définition de la Religion et où l'on Explique le Sens, la Suite, et L'enchaînement du Mosaisme et du Christianisme*. T. 1. Paris: Perrotin, Éditeur-Libraire. 467 p.
- Piketty T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 816 p.
- Tarde J.-G. (1890). *Les Lois de l'imitation: étude sociologique*. Paris, Félix Alcan. 431 p.
- Zalasiewicz J., Williams M., Waters C.N. etc. (2017). *Scale and Diversity of the Physical Technosphere: A Geological Perspective*. The Anthropocene Review. Vol. 4. No. 1. URL: <https://doi.org/10.1177/2053019616677743>.

Информация об авторе

Бодрунов Сергей Дмитриевич

Директор Института нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте, Президент Международного Союза экономистов, Президент Вольного экономического общества России, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор (197101, РФ, Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16)
E-mail: inir@inir.ru

Information about the author

Sergey D. Bodrunov

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID), President of the Commission of the Union of Economists, President of the Free Economic Society of Russia, (Bol'shaya Monetnaya Str. 16, St. Petersburg, 197101, Russia)
E-mail: inir@inir.ru